

ПИСЬМА В ТРУСАХ

The background of the cover is a faded, grayscale illustration of a house with a car parked in front. A window is open, and a stack of books tied with a ribbon is visible on a shelf. In the foreground, a young man with blonde hair and blue eyes stands with his arms crossed, wearing a dark red t-shirt and blue jeans with a white belt. To his left, a small green plant with several leaves grows out of a crack in the ground. To his right, a table is set with bottles and glasses, suggesting a party or gathering.

Евгения Хамуляк

18+

Евгения Ивановна Хамуляк

Письма в трусах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65364061

SelfPub; 2021

Аннотация

Этот и другие рассказы про подростков были написаны специально для родителей, чьи дети вступили в эту сложную пору. К сожалению, не существует универсальных советов в воспитании и перевоспитании подростков, и в этих рассказах вы их тоже не найдете, потому что каждый ребенок – это вселенная, которую нельзя померить линейкой или описать даже в сотне учебников по психологии. Одно ясно всем мудрым взрослым: все, что не смогли дать родители – теперь даст или отберет судьба. Ее уроки намного суровее любых родительских советов, наказов и примеров.

Так случилось с мальчиком Вовкой, который очень страдал, что ему не дают увидеться с отцом. Из-за этого он поругался с мамой, с семьей и вообще перестал доверять людям. Но все ли так просто видится и правильно воспринимается в отношениях взрослых с малой высоты ребенка?

Евгения Хамуляк

Письма в трусах

Смотри на ребенка так, будто это самый лучший человек на земле. Смотри на него так во что бы то ни стало. Ты обретишь этого человека.

Часть 1.

Вове очень очень было стыдно за мать. Он горько плакал и слезы обжигали лицо, оставляя красные полосы на юном лице.

Как можно было быть такую сволочью.

Вова стоял на коленях у открытого шкафа матери, там где располагались полки с ее нижним бельем. Трусы и лифчики, обычно аккуратно сложенные, чашечка в чашечку, стопочка в стопочку, сейчас неряшливо валились вокруг него. Это он их разбросал. Точнее повытаскивал, когда сам не зная почему, как будто его кто-то позвал, вошел в родительскую спальню, когда там никого не было, открыл шкаф и стал копать в нем, даже заглянув в полки с мамиными трусами. Он обнаружил стопку писем, перевязанную тонкой бечёвкой, и упал на колени, словно подстреленный. С пересохшим горлом, бессочными губами стал читать одно письмо за другим. Одно за другим. Как во сне.

Они были от отца. От родного отца Вовы, который сидел в тюрьме, но он этого не знал. А также не знал, что тот писал

сыну письма. Все это время. Сначала часто. Семь лет назад, Вова тогда было два года, папа писал каждый месяц и даже неделю, потом раз в полгода. Последнее получено год назад. Он писал красивым почерком правильным языком, без ошибок, с запятыми, Вова являлся отличником и поэтому отметил грамотность письма: что очень сожалеет как все вышло, что совсем не знает как исправить ситуацию, но просит не вычеркивать его имя из жизни Вовы.

Как же Вова было стыдно за мать, потому что она вычеркнула папу Сашу из жизни. Мало того, что вычеркнула, так еще и заменила лживым папой Ромой. Вова поджал губу, готовый расплакаться... но сдержался. Он хотел плакать за то, что чувствовал, что «этот мужик» так он называл отчима в последнее время, не является ему родным отцом. Чувствовал, только объяснить не мог.

Горькая большая слеза самовольно выкатилась и оцарапала, оставляя след на румянце мальчика.

Самое ужасное, выходило из письма, что он Владимир Александрович Рогов, а не какой-то там чужой Владимир Романович Сульгин, каким он себя чувствовал последние семь лет.

– Я Рогов, – твердо сказал Вова, дочитывая последнее письмо. А потом опять сложив все аккуратно в стопочку, перевязал бечёвкой и положил в карман, а бардак оставил как есть.

Пусть видит и стыдится своего поступка! Потому что так

нельзя с живыми людьми. Если тебя попросили по-человечески, нельзя по-сволочному...

Слово «сволочь» являлось самым страшным ругательством в семье, мама произносила его только в самых крайних случаях, поэтому Вова запомнил его. И использовал сейчас. Сейчас был очень крайний случай.

Он пошел в свою комнату и доделал домашку, потом собрался, все также держа письма отца в брючине, и отправился за Настькой в садик. Привел ее домой, накормил, усадил смотреть мультики и стал дожидаться матери. Она пришла и не сразу обнаружила бардак и пропавшие письма, но когда обнаружила раскричалась так, что трещали стекла. Однако Вове было ее не жалко, и он ей так об этом и сказал. А еще он спокойно обозвал ее нехорошим человеком и сказал, что ему стыдно за нее и он никогда ее не простит.

Мать поникла лицом и замолчала, вдруг состарившись на несколько лет, но этого Вова не видел и не понимал, зато он точно знал чего хотел. Для этого он написал отдельно на листочке из тетради два твердых желания. Первое: в самое ближайшее время вернуть ему нормальную, его истинную, реальную фамилию. И отчество. Второе: он хотел видеть отца.

Мать, конечно, пустилась в долгие разговоры и уговоры, объясняя, что отец у Вовки вор. Настоящий мошенник и аферист, который навредил множеству людей, и ей матери сделал очень больно, бросил ее с маленьким Вовкой одну на

произвол судьбы аккурат семь лет назад. Лучше им не встречаться, что б Вовке не разочаровываться. Ведь однажды она уже ездила к нему в тюрьму, встречалась и кроме сожаления ничего не испытала. Отец Вовки выглядит неприглядно, это может нанести вред.

На что Вовка, ни разу не моргнувший за это время, сказал: – Или ты меня отвези, или баб Нюру попрошу или дядю Виталю. Или один поеду.

Мама Вовки оказалась упорным человеком, достойным упертости своего сына, и вместо того, чтоб исполнить два справедливых требования по мнению Вовки, повела его на следующий же день к психологу. Сама тетя психолог не представляла для Вовки интереса, но поступок матери показал, что придется включать план «длинный», который грозил другим названием, подслушанным в разговоре матери «девиантное поведение».

Вовка разрешил себе не учить уроки, не обращать внимания на слова родителей, игнорировать «того мужика» и к концу вообще объявил голодовку. Правда его подкармливала Настька, принося мандарины в ладошках. Мать хотела повести Вовку к другому психологу и даже на разговор к директору школы, но Вовка отказывался вставать с постели. Роман, отец Настьки, по просьбе матери, попытался силой свести Вовку к врачу, даже большими мужскими руками втащил его себе на шею. Но к девяти годам Вовка вырос в на-

стоящего богатыря, или «кабана», как выразил отчим, и его только камаз или наряд полиции смог бы сдвинуть с места.

Мать плакала постоянно, особенно видя, что Вовка осунулся, действительно перестав кушать, начал чахнуть. Она умоляла его прекратить забастовку, обещая в следующем месяце поехать к Вовкиному отцу, в этом из-за работы ей было не выбраться никак. Но мальчик был непреклонен. В нем словно прорастал какой-то росток, Вовка чувствовал, что с каждым днем он становится все крепче и крепче. Он готов был отказаться и от Настькиных мандаринов, и от воды, лишь бы росток не сломался...

Мать не перестала плакать, но на пятый день пришла домой с двумя билетами на поезд, уходивший куда-то далеко этой ночью. Настьку оставили бабушке. Вовка собрался за десять минут и они двинули на вокзал. Во время сборов Настька подсунула два бутерброда с колбасой Вовке, их сделал ее папа и попросил секретно подсунуть брату. Вова съел их с большим удовольствием пока они ехала в метро к вокзалу. В поезде мать попросила его поесть, она приготовила настоящий ужин, еще теплым Вовка съел его и завалился спать, мать тихонечко рассказывала ему все историю знакомства с отцом, хорошие и в основном плохие моменты. На плохих Вовка вырубился. Ему снился чудесный сон, что внутри него прорастает не просто росток, а настоящее дерево, такое могучее и прекрасное, Вовка им так гордился, что мог наблюдать за моментами роста бесконечно долго. Но поезд трях-

нуло на остановке, и Вовка проснулся, обнаружив за окном утро.

Мама покормила его плотным завтраком, сказав, что там... она не называла вслух место, где находился папа. Там ничего хорошего нет. Лучше поесть заранее и запастись терпением.

Чего-чего, а терпения у Вовки было хоть отбавляй, он девять лет ждал правду.

После поезда закрутились вереницы автобусов, грустных пейзажей, бедных строений, наконец совершенно некрасивой проходной с колючей проволокой, где они ждали два часа, доедая остатки. Наконец, их пригласили войти.

Но не к папе. Их пригласили к начальнику тюрьмы. Это был здоровый дядя, почти богатырь, с большими ушами и животом. У него было доброе выражение лица и, пригласив, маму с Вовкой присесть для разговора, он по-доброму посоветовал им уезжать прямо сейчас и не тревожить папу. Дело в том, что папа Вовы был плохим человеком по мнению этого дядя, начальника тюрьмы, он обманул много человек, и не надо думать, что не обманет даже близких, маму и Вовку.

Мама молчала и не смотрела на Вовку в этот момент, хоть дядя начальник повторил ее слова только по-другому.

Видя, что добрые намерения не доходят до приезжих, дядя начальник тюрьмы сказал:

– Почти никогда. Нет, в случае твоего папы, никогда! такие, как он не выходят из тюрьмы. Очень сложно покончить

с криминальным миром, который словно болото намертво затягивает человека. Твой папа уже не тот, которым ты его помнишь или знаешь, мальчик. Лучше пусть он останется навсегда тем героем, которым ты его запомнил, Вова. Лучше уезжай.

Вовка хорошо слушал дядю, но еще больше он прислушивался к своему сердцу, на котором лежали в кармане письма папы, где он тоже признавался в своей вине и в том, что совершенно не знает как эту вину исправить. Но все равно он есть и хочет быть для Вовки всегда.

Вовка не моргнул глазом, слова дяди не коснулись его сердца, которое охраняли письма.

– Я хочу видеть моего папу, – просто сказал он.

Мать с сожалением посмотрела на дядю начальника, который с сожалением взял трубку телефона и куда-то позвонил.

Через полчаса Вовка увидел папу.

Вина, про которую папа писал в письмах в трусах, висела у него на лице в виде тонкой серой паутинки продольных морщин. Он был как будто весь в пыли. Серый. Но глаза горели счастьем.

– Вовка приехал. Вот дела? – шутил папа, будто они недавно виделись. – А я тут заболел, понимаешь ли? поэтому лучше меня не целуй, а то вдруг заразишься...

Вовка не слышал, что сказал отец, потому что ему заложило уши от счастья.

– Боже мой, – думал Вовка, – у меня есть папа. Настоящий папа. Только мой папа. И я у него единственный самый единственный, а значит, самый любимый сын. Нет, не самый. А просто любимый сын. У меня есть папа... Это как будто у меня появилась вторая рука. У всех всегда есть две руки, а у меня она появилась только что.

– Папа, – сказал Вовка впервые прочувствовав это слово. Оно казалось таким странным, будто он его никогда не проносил, хотя называл «того мужика» этим словом.

И бросился на плечи. Отец врал про насморк. Вовка знал, что отец врал. Но еще он знал, что отец никогда его не обманет, других – может быть, его никогда. Объяснять это маме или другим не имело смысла, они не знали и не верили. Вовка знал и верил.

А еще он знал, что больше всего на свете хотел иметь именно этого отца с паутинкой на лице. То, что Вовкин папа сидит в тюрьме и просидит возможно еще долго, что это стыдно и странно иметь отца-тюремщика или отца-вора, как говорили мама и дядя начальник, Вовка не думал. Это были детали. У каждого свои детали. У его Вовкиного отца вот такие детали. Что поделать. Вовка все равно сделать ничего не мог.

– Я обязательно выйду и мы с тобой в нормальном месте посидим и мороженое поедем, – сказал отец. – Хорошо?

– Хорошо, – согласился Вовка. Отец поблагодарил Вовкину мать за приезд и ушел.

Вовка потрогал письма на груди и почувствовал, как под ними росток окреп и дал первый цветок.

– Ты этого хотел? – спросила мать с поджатыми губами.

– Да, – просто ответил Вовка, и подумал, что когда-нибудь, но не сейчас, он верно простит ее.

Часть 2.

Прошло тридцать лет и Вовка вырос в настоящего Владимира Александровича Рогова, который выбрался из провинции, вырвался из болота в столицу и покориł эту столицу. Покориł как мог, конечно. Например, обзавелся семьей, разжился жилплощадью и офисом в центре, дачей за городом, друзьями-товарищами, которые частенько заезжали на дачу со своими семьями. Но самое главное, семьей. Викой красавицей, подарившей ему богатырчика Антона и принцессу Лизу. Вовка был счастливым человеком, и регулярно делился своим счастьем с матерью и сестрой, оставшимися в провинции, но поживавшими хорошо, хотя взаимопонимания с ними Вовка так и не достиг, или не хотел достигать. Как только вылупился, решил тут же уехать, учиться в Москву, сам нашел техникум, общежитие, сам нашел подработку. Лишь бы не жить с ними. Ездил к ним исключительно один раз в год, на день рождения мамы. Все остальное внимание посылал деньгами и подарками.

Отец Вовки несколько раз выходил из тюрьмы, но как

и говорил начальник того заведения, ненадолго. Но все же отец исполнил свое обещанье, несколько раз они в самом деле, кушали мороженое в кафе. Но ближе к зиме отец регулярно по тому или иному случаю попадал в тюрьму. Главное, по началу Вовка не понимал эти случаи, но потом, когда окреп и умом, и телом, понял, что в тюрьме отныне и навсегда сосредоточилась жизнь отца: там есть тепло, кровать, какая-никакая бесплатная еда, друзья, товарищи и даже статус. Но образ отца не померк в глазах сына, он все так же ярко светился. Ведь и Вовкино чутье, что кого-кого, а его родного сына вранье и обман не коснутся – тоже сбылось. Отец не просил денег, или попросил их дважды за все время, на какую-то мелочь. Зато Вовка, когда разбогател и вошел в лучшую свою пору, помогал ему. Сначала бездумно дарил деньги, перечисляя почтой. Потом открыл отцу банковскую карту. Но когда совсем уразумел ситуацию, нашел ответственных и отзывчивых соседей, которым перечислял деньги и которым строго на строго велел выдавать отцу небольшие конкретные суммы или просил покупать натурпродуктом. Отец пил. Много читал, ходил по корешам и пил. Пытался как-то работать, но здоровье было уже не то. В тюрьме здоровье поправлялось, там пить не разрешали.

В общем, сердце Вовкино болело за отца, но ситуация более менее находилась под контролем. Мать и другие не знали о помощи отцу или о контактах с ним, хотя скорее всего догадывались, но Вовке это было все равно. Он был взрос-

лый, что б просить разрешение на те или иные поступки. И та невидимая граница, которую он очертил между собой и матерью в роковой тот день, когда нашел письма отца в ее нижнем белье с годами разрослась до невероятной пропасти. Видно было по маминым глазам, что она испытывает вину за содеянное, казавшееся ей правильным, но сыгравшим такую трагичную роль в разъединении с сыном. Поделаться она ничего не могла, пропасть пусть и была невидимой, но невероятно ощутимой, громадной, ледяной. Так и оставили как есть. Общались, но будто хорошие знакомые, а не родные.

Так Вовка жил-поживал, что называется горя не знал, все при деле, заняты, сыты, довольны, он сам при хорошем деле, продавал недвижимость в столице. Столько ее напродавал, что знал город да и окрестности вдоль и поперек. Стал чувствовать себя коренным аборигеном. И все бы ничего, но в этом бизнесе, где водились не плохие деньги, еще водились мошенники.

Буквально сегодня с утра у Вовки состоялся скандал с одним другом. Он думал, другом. Полгода они с Олегом и его женой Аллой общались «рот в рот», что называется. Те и на дачу приезжали и в баньке парились, и пиво с отварными креветками ели. Аж успели слетать на Тенерифе вместе. В общем любовь с первого взгляда. Даже Вика с этой Аллой подружилась. А с Олегом и вовсе бизнес намечался. Вовка любил строить бизнесы, это было его фишкой. Он во всем

видел приметы будущего дела. И помимо прочего Олег попросил продать его дачу, большой, но старый дом, который требовал вложений, а денег в него Олег вкладывать не хотел.

Еще тогда Вовке показалось странным, зачем покупать старый большой дом, если у тебя нет денег на ремонт. Но у всех свои причуды, и как понял из разговора Вовка, Олег где-то лоханулся и поэтому не смог достать денег. Про какие-то суды говорил, но Вовка слушал невнимательно, больше концентрировался на предстоящем бизнесе. А дом продан, пусть и нелегко, Вовке пришлось вложить в продажу душу и время, лично сам ездил следил, чтоб работяги привели его в божеский вид, чтоб побольше можно было цену просить. И Олегу хорошо, и ему комиссия выше.

Короче, дом продан. Пожилая, но со средствами пара москвичей, решив купить старый дом для своей большой семьи, подписала договор и внесла аванс. Хотели даже это дело отметить, но Олег вдруг пропал на месяц, а ведь надо было готовить документы, кое-что обговорить, урегулировать процесс. Вовка начал волноваться, когда три недели Алла не могла вразумительно объяснить, где ее муж, что-то рассказывая про свадьбу, поломку телефона, отъезд за границу, похмелье. Трубки Олег не брал. Вовка понял, что-то неладно. Да, Олег пил, пил крепко, порой, до беспамятства, но за три недели ж можно было ответить на простой звонок друга.

А вот сегодня позвонил сам, приехал в офис, весь такой выбритый, но помятый, с бумажкой в руке. И как обычно с

улыбкой начал петь сладкую песню... Вовка даже сначала не осознал сказанные другом слова «дом продан».

И продан давно по очень хорошей цене, именно поэтому Олег не мог отказаться от такого куша. Олег же не дурак. Деньги есть деньги. Бизнес есть бизнес. Дружба потом. Но, чтоб не оставлять друга без ничего, предлагает Вовке все-таки заработать, например, не отдавать аванс москвичам. Вовка аж опешил, и матным словом высказал свое мнение на этот счет. Олег попросил не горячиться и пояснил свою позицию, мол, по договору, москвичи должны были перечислить еще денег, но этого не сделали во время, поэтому Олег по всем правам может им, во-первых, дом не продавать, во-вторых, задаток не возвращать. Хотят обратиться в суд – все чисто крыто, по договору. У Олега и юрист на этот случай имеется.

– Так я ж тебе звонил. Я тебе сам писал, чтоб назначить день сделки. Ты пропал, ты не отвечал! – возмутился Вовка, вдруг увидев Олега совсем с иной стороны.

– Я твоих звонков не слышал. Писем в глаза не видел. Ничего не подписывал. Я ничего не знаю, – сухо протер ладонь о ладонь Олег, имея в виду, что с него взятки гладки, – понимаешь, намек? Официально мы чисты с тобой, друг. Комар носа не подточит. Я, конечно, могу весь задаток только себе оставить, но кем я буду после этого? Падлой. А я тебе друг. Так что давай делиться. В твоей части как раз будут комиссионные, все-таки ты постарался дом продать, душу,

время вкладывал.

Вовка офигел, мягко говоря, и сидел с открытым ртом, хватая воздух, мечтая разбить эту лоснящуюся от похмелья морду в кровь.

Олег, не долго думая, достал свою бумагу, изрядно помятую и мокрую за время разговора, и положил ее перед Вовкой. Там было написано только два предложения, что у Рогова В.А. никаких претензий к Смирнову О.А. нет Дата. Подпись.

– Что это? – не понял Вовка, получив укол в самое сердце.

– Подпиши. А на неделе перетрем, как делить остаток будем. Подпиши, что без претензий.

Вовка хотел рассказать этому гаду, что как бы тот не мухлевал, его работа была сделана и исполнена, а значит, должна быть оплачена по праву и в полной мере. Но взглянув в блестящие глаза, залитые до краев, передумал.

Отодвинул бумагу в сторону, и сказал, что не будет в этом участвовать.

– Ну не хочешь по-хорошему, можешь по плохому, через суд, вместе с москвичами, – вдруг обиделся Олег.

– Значит, через суд, – решил Вовка.

Уходя Олег стал подсовывать свою бумагу секретарше, уже после того, как дверь в кабинет Вовки закрылась. Ему потом Валя рассказывала, что странный тип, от которого несло за километр, выпрашивал ее подписать какой-то листок. Когда она отказалась, алкоголик попросил хотя бы по-

ставить печать, что секретарша просто поглядела на бумажку. Глупые игры ни к чему не привели, мужчина ушел, оставив Валу в легком шоке.

Этого Вовка понять не мог. Не то, что перед ним оказался обычный гад и мошенник, а как он, человек с критическим мышлением, опытом, мог не разгадать гада и мошенника?!

Ведь все, что не делал Олег – все выглядело странным, в том числе его разговоры, как урвать, как юлить, как не возвращать. Суды, скандалы, алкоголь, женщины. Все было на поверхности, надо было только сложить два плюс два и сделать выводы. Мошейник и пройдоха всегда и везде, он не делает исключений ни для семьи, ни для друз]ей. Это как голограмма. Одна рожа на все стороны.

– Слава богу, бизнес не успели замутить, – подумал Вовка, собираясь в дорогу. В другой конец столицы, где жили пожилые москвичи, которые названивали ему последнюю неделю беспрестанно, чувствуя, что их большой дом накрывается медным тазом.

Как назло за окном стоял четырнадцатый февраля, в багажнике его дорогой машины лежали цветы и подарок Вике. Вика уже давно была на даче, ждала его там для романтического ужина вдвоем. С детьми осталась теща.

– Тварь! – выругался Вовка, увидев буран, который заметал его джип, а также все вокруг, создавая катастрофические пробки во все стороны света. После долгого, неприятного и

изнурительного разговора с москвичами, Вовке надо было б ехать на дачу, опять в обратный конец города. В лучшем случае, он бы добрался к романтично настроенной жене в полночь, хотя на дворе только после обеда. А значит, праздник любви пойдет насмарку.

Вика будет злой и грустной. Конечно, он ей расскажет про ее подругу Аллу и ее муженька-афериста, но этим только отравит еще несколько ближайших дней. Они будут думать только об этих тварях. Было б хорошо, если б Алла не знала о планах мужа. Что было вряд ли, муж и жена – одна сатана, скажет любой агент недвижимости. Вопросы брака, развода наблюдались риелторами чаще, чем семейными психологами. А если не знала – то случится еще одна трагедия.

– Лучше б не знала, – вслух сказал Вовка, сидя за рулем. Перед глазами со скоростью света мелькали дворники, пытаюсь справиться со снегопадом. Машины вокруг, похожие на снеговиков, с самой ослиной скоростью, двигались в ад. Каждый проклинал тот снег и эту зиму, и столичные пробки и власти, и всех вокруг. Это было нестерпимо. А Вовку еще ждал крайне неприятный разговор с приличными людьми. По идее он мог бы позвонить им и все рассказать. Но как не посмотреть в глаза этим несчастным людям, как по телефону излить им свою боль от предательства?! И вообще не показать свои глаза, где жила честность и теперь печаль. Он должен был это сделать сам.

– Ну тварь! Ну скотина! Подлая сволочь! – кричал Вовка,

сидя в салоне один. Его никто не слышал. Не слышал его ругательств, где то и дело проскальзывало одно и то же слово «сволочь», мамино страшное слово. Он со всех сил ударил руль, который не дрогнул, зато заболели пальцы от удара. Вовка был очень зол.

Неожиданно ему в голову пришла идея, он позвонил секретарше и попросил узнать ее в реестре, когда точно был продан злополучный дом и желательно кому. Перед разговором с москвичами, и их адвокатом вскорости, надо было знать все детали этой махинации.

Секретарша позвонила через полчаса и полностью огорошила Вовку информацией. Оказывается Олег продал дом раньше, чем вытекал срок по договору с москвичами. То есть он врал Вовке с самого начала до сегодняшнего дня включительно и постоянно.

Он продал дом еще тогда, когда сидел с Вовкой у него в баньке и распивал Вовкино пиво, и жрал Викины креветки, умело отваренные с солью и зеленью. Он тогда уже знал, что мухлюет.

– Ну сволочь! – Вовка не ударял больше руль, он готов был сожрать его от злости. – Мало того, что сволочь, еще и дегенерат и алкаш конченный.

Вовка начал названивать своему юристу и советоваться. Выходила полная победа по суду, с одним только минусом, если этот алкаш ляжет на дно, исчезнет, например, рванет за границу, то денег с него не допросишься. А Вовка помнил

те разговоры о жизни в солнечной Италии на берегу моря. То есть суд мог продлиться и полгода, и год, а денег можно было и не дожидаться никогда.

– Плевать! – сказал сам себе Вовка. – Подавайте в суд. Не мешкайте. – дал команду юристам.

К москвичам решил все-равно доехать и объясниться, но уже не с плохими, а более менее, приличными новостями. Хотя позор, что его подвел друг, с кем они вместе ели-пили, все равно невидимым удушливым облаком поселился надолго рядом.

Продвинулись ровно на два километра за два часа. Осталось еще тридцать три, – проговорил навигатор.

– Ну за что мне такое?! – отчаяние настигло Вовку. – Ну за что?! – он кричал вслух, зная, что его никто не слышит, только буран. – Сначала Спицины не приехали. Потом Орловы стали торговаться и мне все карты сбили. Здание на Васнецовской заморозили вместе с моими деньгами. Так теперь этот гад! Мерзавец! Тварь! Алкаш! Сволочь! За что мне?

Вовка плакал без слез и хватался за волосы. Зная, что другого случая не представится вылить свои чувства, ведь везде он примерный отец, муж, начальник, кому не гоже скулить на луну.

Вдруг он побледнел и у него перехватило дыхание от про-

мелькнувшей мысли. Мысль, словно мышь, и в самом деле, пробежала так быстро, как электрический ток. Но он успел ее поймать и осознать. И она его поразила.

– Ведь Олег – это и есть мой отец. Мой отец как Олег. Такой же, – пораженный продолжал разговаривать Вовка сам с собой. – Алкаш, дурак, аферист и сволочь. А я... а я... – он подбирал слова, – я как его сын Лешка.

Он вспомнил Лешку, очень хорошего мальчика, занимающегося музыкой, которому пророчили больше будущее. Олег и Алла сильно вкладывались в его образование, рассчитывая на успехи. Нанимали лучших учителей, везде его возили, по конкурсам, по прослушиваниям. Мальчик получал призы. Олег им очень гордился, показывал в телефоне фотки своего сына в обнимку с разными звездами музыки.

Очень гордился. Тварь. Хороший отец.

Вовка засмотрелся на снежинки на стекле, которые устроили настоящее лебединое озеро.

– Вот тебе и зазеркалье. Вот тебе и папка. На! Выкуси обратную сторону своего папки. Папка как Олег. Олег как папка. Такой же вор. Двуличная сволочь.

Вдруг резко Вовка нажал на тормоз, потому что практически уже под колесами его машины лежала упавшая из неоткуда женщина, выбежавшая на этой адской трассе, где творилось месиво из машин и снега.

В чем был Вовка ошарашенный выпал из машины и стал помогать подниматься несчастной, чуть не попавшей под ко-

леса.

– Вы что сума сошли?! – стал ругаться Вовка, у которого чуть сердце не выпрыгнуло из груди, еще чуть-чуть и громадные колеса джипа проехали бы по живому телу, ломая его в фарш. – Вы соображаете, что вы делаете? Я вас чуть не задавил!

Женщина смотрела на Вовку, но не видела его, будто спала. Без верхней одежды, вся облепленная снегом, непонятно куда брела, непонятно зачем.

Сзади стали сигналить. Мол, раз живы, – все, давай ежайте.

Вовка продолжал отряхивать от снега молчаливую заснувшую женщину возраста его матери.

– Где ваша машина? Вы зачем вышли? Вы что сума сошли? – продолжал орать он через снег и гудение автомобилей.

– Я больше не могла, – наконец сказала она устало. – Это какой-то ад. Я думала стору там. Все навалилось. А теперь еще и это.

Вовка посмотрел на нее и все понял. С женщиной только что произошло то, что происходило с ним в ужасном двухчасовом аду – остаться наедине со своими мыслями, чертями, душевными муками.

Он проводил ее до своей машины, усадил на заднее сиденье, включил подогрев. Сам пошел к ее машине, включил аварийку, нашел документы, позвонил эвакуатору, попросил

отвезти по домашнему адресу.

Вернулся в машину, расспросил скорбную коллегу по несчастью, куда ее лучше отвезти. Она назвала адрес, тот же, что был указан в документах. Дома ждали муж и дети.

Пробка чуть-чуть рассосалась, уже через сорок минут Вовка довез ее до дома, еще через пятнадцать минут приехал эвакуатор с машиной.

Муж и дети очень благодарили спасителя. Вовка дозволил москвичам и сказал, что будет через час. Позвонил жене, сказал будет через три часа. Вика спокойно ответила, что подождет, все равно вся ночь впереди. Вовка чуть успокоился. Он забыл об Олеге и неприятной ситуации с дважды проданным домом. Штатная история в сделках с недвижимостью, где встречаются разные афирюги и идиоты. Теперь в ней должны будут разбираться юристы и человеческий суд со сводом законов, который установит преступление и вынесет наказание. Обычное дело.

Голова и душа Вовки были заняты иным, там происходили очень сильные изменения, он будто поменялся, вернулся в прошлое, где продолжали разговаривать несколько голосов, и одному голосу по несправедливости так и не дали высказаться все это время.

Вова сел в машину и сразу позвонил матери. Они разговаривали долго. Вовка плакал и просил прощения. Хотя когда-то поклялся сам простить мать.

Конец